

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 323.22/.28

DOI 10.18413/2075-4458-2018-45-3-564-572

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ФРАГМЕНТАЦИИ КЫРГЫЗСТАНА

THE INSTITUTIONAL FRAMEWORK FOR DEMOCRATIZATION UNDER TERRI- TORIAL FRAGMENTATION OF KYRGYZSTAN

А.А. Квартальнов

A.A. Kvartalnov

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

MGIMO University,
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

E-mail: artyom@kvartalnov.ru

Аннотация

В статье проанализированы специфические черты демократизации в условиях территориальной фрагментации на примере казуса Кыргызстана. Использована информация политических баз данных и индексов, применяются сравнительный и исторический подходы. Автор рассматривает предпосылки демократизации Кыргызстана, особенности течения данного процесса и обращает внимание на провал детерминистских подходов к демократическому транзиту в Кыргызстане. Автор статьи доказывает тезис о низком уровне институционализации политической системы Кыргызстана, определяет основные угрозы демократическому развитию Кыргызстана и формулирует цели дальнейшего развития политической системы страны, приходит к выводу, что территориальная фрагментация не является препятствием для демократических преобразований.

Abstract

The author of the article touches upon the characteristics of democratization under territorial fragmentation using the example of Kyrgyzstan. The article examines the reasons for democratization of this country, the special features of the process and highlights that deterministic approaches cannot help scholars explain the democratic transition of Kyrgyzstan. The author of the article underlines the low level of political institutionalization of the country, which coexists with significant political pluralism. The paper covers the historical causes of balancing and compromising in the Kyrgyz Republic and shows that rational political leaders of the country have no option but to deal with interest groups representing other regions. The study reveals major threats to democratic development of Kyrgyzstan and formulates main aims regarding further development of Kyrgyzstan's political system. The article demonstrates that territorial fragmentation might promote democratic changes and should not be regarded as an exclusively negative factor.

Ключевые слова: территориальная фрагментация, демократизация, транзитология, демократический транзит, гибридный режим, Центральная Азия, Кыргызстан

Keywords: territorial fragmentation, democratization, transitology, democratic transition, hybrid regime, Central Asia, Kyrgyzstan.

Процессы демократизации зачастую затрагивают государства, политические изменения в которых проблематично объяснить, опираясь на теорию модернизации во всех её вариантах. Уже ставший традиционным казус Индии дополнился случаями Кыргызстана (далее – КР), Индонезии и целого ряда других государств, достигших значительной степени развития демократических институтов на фоне низкого уровня экономического благосостояния и существенных социальных конфликтов. Все вышеуказанные страны на момент 2018 г. относятся индексом «Полити» к категории демократий [Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2013]. В то же время по классификации Всемирного Банка они входят в группу стран с уровнем доходов ниже среднего [World Bank Country and Lending Groups, 2018], а в докладе Программы развития ООН отнесены к странам со средним уровнем человеческого развития [Доклад о человеческом развитии, 2015].

Провалы детерминистских подходов к демократическим преобразованиям уже давно заставили политологов пересмотреть свои взгляды на источники установления демократии. Д. Растоу ещё в 1970 г. предложил отказаться от идеи предварительных условий демократического транзита, отметив, что лишь национальное единство является абсолютно необходимым для начала процесса демократизации [Rustow, 1970]. В то же время реальная практика современности фактически указывает на то, что даже эта предпосылка не всегда является обязательной. Установление консолидированных и либеральных демократических режимов действительно чаще всего происходит в устоявшихся национальных государствах с чёткой государственной идентичностью населения. Однако электоральные, нелиберальные, несовершенные и другие «демократии с прилагательными» в этнически разнообразных, неравномерно развитых и подверженных конфликтам государствах всё чаще становятся реальностью.

Такие государства можно объединить в одну группу, отметив, что им свойственна территориальная фрагментация. Само понятие «территориальная фрагментация» регулярно используется в СМИ и в научных публикациях, однако может иметь различные трактовки. Зачастую под «территориальной фрагментацией» понимают синоним термина «балканизация», то есть многоступенчатый процесс государственного распада и дальнейшей территориальной дезинтеграции. В то же время в этой статье будет рассматриваться другая грань данного понятия. Территориальная фрагментация может выступать в качестве постоянной характеристики состояния определенного общества или конкретной политической единицы. Само по себе понятие «фрагментация» в данном смысле может касаться этнического или религиозного разнообразия, экономической дифференциации, раскола между городом и деревней. Сужение понятия до термина «территориальная фрагментация» указывает на то, что многообразие общества или государства имеет территориальное выражение: этнические и религиозные группы размещены в разных регионах страны, а бедность и традиционные источники власти также сосредоточены в определённых районах.

Связь между фрагментацией с одной стороны и демократическим развитием, а также стабильностью политической системы с другой стороны стала предметом целого ряда политических исследований. Еще в 1956 г. Г. Алмонд писал, что этническое разнообразие общества ведёт к росту конфликтности [Almond, 1956]. Данная точка зрения укреплялась в 1960-ые годы, когда фрагментацию стали рассматривать в качестве причины провала демократических изменений в получивших независимость государствах Африки. А. Лейпхарт, в свою очередь, отмечал возможность демократии в условиях фракционализации, считая, однако, что эффективное разделение властей можно обеспечить при наличии не более 3–4 крупных этнических групп [Lijphart, 1977, p. 55]. Сегодня же всё чаще говорят о том, что фрагментация не просто не препятствует формированию плюралистической политической системы, но также может выступать в качестве фактора демократического транзита. Бенджамин Рейлли доказывает данную позицию, опираясь на случай Папуа – Новой Гвинеи – одного из самых этнически разнообразных государств мира [Reilly, 2001]. В то же время в большинстве исследований по данной проблематике рассмат-

вается в первую очередь этническая фрагментация. При этом неоднородность Кыргызстана, о котором и пойдёт речь далее, едва ли сводится к его многонациональному составу.

Цель данного исследования – определить взаимосвязь между территориальной фрагментацией Кыргызстана и процессами демократизации в стране и выделить последствия особого характера демократического транзита в КР. Основные задачи автора – определить и конкретизировать феномен территориальной фрагментации КР, охарактеризовать институциональные основы политической системы Кыргызстана и факторы демократизации КР, а также обозначить ключевые последствия особенностей демократического транзита в стране. Методологической основой статьи являются сравнительный анализ, системный подход, а также анализ политических и социально-экономических индексов и баз данных.

Автор статьи предполагает, что территориальная фрагментация Кыргызстана выступает в качестве важнейшей предпосылки демократизации страны: моделируется специфическая рациональность политических акторов, ведущая к демократическому транзиту даже при отсутствии видимых экономических и политических причин. В то же время данный путь демократизации КР ведёт к формированию особых характеристик кыргызстанской модели.

Оценка степени территориальной фрагментации имеет комбинированный качественно-количественный характер. Различия в уровне доходов населения разумно изучать в сочетании с размерами государства и с его этнической структурой. В Кыргызстане средняя заработная плата в Иссык-Кульской области в 2016 г. составила 19 800 сомов (\$ 286, самый высокий показатель в стране), что в 1,99 раз больше средней заработной платы в Ошской области, составившей 9 950 сомов (\$ 143, самый низкий показатель в стране). Бедность Ошской области сочетается с тем, что 28 % её населения – узбеки [Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года. Ошская область], в то же время в более состоятельной Иссык-Кульской области сложилось абсолютное преобладание этнических киргизов (86,2 %), причём доля узбеков там достигает всего 0,7 % [Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года. Иссык-Кульская область]. Общепринято представление о том, что северная часть КР является более русифицированной и менее исламизированной, чем экономически менее развитая южная часть страны [Крылов, 2006]: фактически через Кыргызстан частично проходит та же линия разделения, что и между северным и южным субрегионами Центральной Азии в целом. Разделение имеет и географический характер: высокогорный северный регион противопоставляется равнинному югу. Всё это дополняется более высоким уровнем развития местной идентичности, чем в экономически более благополучных России и Казахстане, а также чем в западных демократиях. 40,5 % кыргызстанцев «полностью согласны» с тем, что считают себя частью местного сообщества (2011 г.). В Казахстане аналогичный показатель составил 14,3 % (2011 г.), в России – 6,2 % (2011 г.), в Азербайджане – 14,2 % (2011 г.), в США – 25 % (2011 г.) [World Values Survey Database]. Проведённый анализ практически не оставляет сомнений в правомерности отнесения КР к территориально фрагментированным государствам.

Проблематику кыргызстанской модели демократии рассматривали многие российские и зарубежные учёные. Григорий Лукьянов прямо использует термин «фрагментация», обращаясь к феномену «острова демократии» в Центральной Азии [Лукьянов, 2017]. Эксперт особо подчёркивает процесс деидеологизации политических партий Кыргызстана, обращает внимание на то, что они приобретают всё более популистский и клановый характер. А. Доолоткельдиева и А. Уолтэрс отмечают, что у членов кыргызстанских политических партий не сложилось чувство принадлежности к конкретной политической организации, обращают внимание на постоянные попытки руководства политических партий укрепить партийную дисциплину и усилить контроль над членами политических объединений [Doolotkeldieva, Wolters, 2017].

Отдельные индикаторы, отражающие уровень организационного развития политической системы страны, действительно указывают на слабость успехов КР. Индекс инсти-

туционализации политических партий по методологии проекта «Многообразие демократии» составил для Кыргызстана в 2017 г. 0,28 пунктов [V-Dem, 2018]. Это значительно ниже, чем как в старых консолидированных демократиях (США – 0,87; среднее по ЕС – 0,89), так и в новых менее устойчивых демократических системах (Индонезия – 0,72; Бразилия – 0,78, Кения – 0,60) [V-Dem, 2018]. Более того, рост уровня институционализации политических партий в «новых демократиях» обычно происходил за десятилетия до демократического транзита. В Бразилии индикатор достиг 0,87 уже в 1967 г., хотя устойчивый переход в категорию демократий по методологии «Полити» произошёл лишь в 1986 г. [Polity IV Regime Trends: Brazil, 1946–2013]. В Индонезии институционализация политических партий произошла уже в 1960-ые годы, в то время как демократией страна стала лишь в конце 1990-ых годов. Кения классифицируется как демократия с 2003 г., хотя показатель институционализации политических партий возростал уже в середине XX века. В Кыргызстане же институциональное оформление политических партий происходило одновременно с демократизацией страны, причём достигнутые показатели институционализации в разы ниже, чем в других, даже самых слабых демократиях.

Закономерным является вывод о том, что в КР не сложились современные институциональные рамки политической борьбы. Несмотря на существование 232 политических партий [Список политических партий, 2018] на момент написания статьи, они не обеспечивают достаточный уровень организации политической системы государства. Недостаточным является и уровень развития национальной идентичности кыргызстанцев, отражающий степень государственного единства: А.Н. Кангельдиев отмечает, что длительный процесс формирования общеэтнической идентичности никак не отменяет родоплеменную идентичность, которая имеет существенные масштабы в КР [Кангельдиев, 2014, с. 45]. Однако индекс «Полити», как уже было показано выше, относит Кыргызстан к демократиям, а Индекс трансформации Бертельсмана классифицирует КР как «несовершенную демократию» [Country Reports, Transformation Index ВТИ, 2018]. Это указывает на то, что плюрализм в кыргызстанской модели всё же присутствует; его особенность лишь в том, что он не основывается на сильных политических институтах, а проистекает во многом из самих несовершенств кыргызстанской демократии.

Степень и форма фрагментации КР является в достаточной мере «удобной» для представления и реализации интересов отдельных групп граждан. А. Лейпхарт отмечал, что количество ключевых групп населения для успешной демократизации не должно превышать 3 или в крайнем случае 4 [Lijphart, 1977, p. 55], в первую очередь исходя из представления о сложности переговорного процесса согласования политических и экономических мер при включении большего числа акторов. При этом можно выделить ещё один мотив, укрепляющий данную позицию: наличие слишком большого количества групп населения едва ли сделает возможным складывание сильных блоков и коалиций, поддерживающих конкретные решения и порождающих политическое противостояние. Случай существования нескольких относительно равных групп является значительно более благоприятным: он может порождать длительную и безрезультатную политическую борьбу, которая в представлении классика транзитологии Д. Растоу выступает в качестве предпосылки демократизации [Rustow, 1970]. Отличие такого противостояния в Кыргызстане от безрезультатной борьбы, сформулированной Д. Растоу, касается в первую очередь действующих лиц: если Д. Растоу имел в виду в первую очередь конфликт между социальными классами, то здесь противостояние принимает территориальный характер.

Практическим выражением многообразия в Кыргызстане как минимум частично являются трайбализм и клановость, до сих пор свойственные социальной структуре общества и политической системе страны. Как отмечает А.Э. Эсенбаев, на Севере КР традиционно ключевыми являются таласские кланы, в то время как на Юге – ферганские [Эсенбаев, 2015]. Хотя на государственном уровне клановость и подвергается суровой критике, вполне общепринятым является представление о наличии связи между кланами и конкретными политическими деятелями. А.А. Акаева соотносит с интересами северных кла-

нов, К.С. Бакиева – с интересами южных кланов. Это соотношение вызвано тем, что электоральные предпочтения в силу фрагментации страны также формируются по территориальному признаку. Лидеры в то же время оказываются связанными финансово и политически с конкретными районами и вынуждены учитывать их интересы даже после складывания жёсткой внутрипартийной вертикали власти. Эти же интересы представляются региональными лидерами и на уровне центрального правительства страны.

Общепринята точка зрения, в соответствии с которой демократическая система в Кыргызстане оказалась жизнеспособной благодаря готовности лидеров к компромиссу с другими группами интересов, представленными в КР. Однако важно также понимать, на чём именно основывается данная готовность. В контексте кыргызстанской политической системы стремление к взаимодействию с другими кланами и политическими силами является следствием рационального выбора любого лидера вне зависимости от его персонального отношения к ценностям демократии или желания установить авторитарные порядки. Стремление лидера к сохранению власти в особой кыргызстанской ситуации вынуждает даже самого авторитарного политика взаимодействовать с оппонентами. В КР глава государства осознаёт, что при поддержке со стороны только северной или южной части страны он не сумеет удержать руководство государством в своих руках. Пониманию этого факта руководством КР способствуют не только здравый смысл и простая логика, но также и реальные примеры других стран региона. Нежелание руководства «делиться властью» с другими элитами фактически стало причиной гражданской войны в соседнем Таджикистане (1992–1997 гг.), в то время как Афганистан, которому свойственна территориальная фрагментация, относят к несостоявшимся государствам. Революции 2005 г. и 2010 г. в самом Кыргызстане неизбежно вызвали опасения относительно возможности реализации в стране похожего сценария. Таким образом, в КР единственно возможный путь укрепления власти президента и правительства неизбежно ведёт к росту плюрализма (как минимум на уровне политических элит). Если следовать терминологии Брюса Буэно Де Мескиты и Аласдейра Смита [Bueno de Mesquita, Smith, 2011], возрастает количество «необходимых игроков», поддержка которых требуется лидеру для дальнейшего нахождения у власти. Демократизация в Кыргызстане, таким образом, вызвана сочетанием объективных факторов в духе структурного подхода (в первую очередь территориальная фрагментация КР) вместе с рациональным выбором политических акторов. Логика демократического транзита в КР, таким образом, не полностью следует идее Лейпхарта о том, что демократия в многосоставном обществе всегда сопровождается приверженностью лидеров демократическим ценностям [Lijphart, 1977, p. 53].

Согласие главы государства и представителей противостоящих ему групп на внутриэлитный плюрализм никак не означает их готовность добровольно отказаться от претензий на всю полноту власти. Лидеры стремятся укрепить свои позиции и готовы пользоваться для этого разнообразными средствами. С одной стороны, происходит типичное для модернизирующихся обществ (в соответствии с классическим пониманием С. Хантингтона [Huntington, 1968, p. 59]) возрастание уровня коррупции: КР в 2017 г. разделила с Россией 135-ое место в индексе восприятия коррупции [Corruption Perceptions Index, 2017]. Коррупция зачастую выступает в качестве механизма межэлитного взаимодействия и компромисса, отражает стремление различных сил к улучшению своих позиций. С другой стороны, результатом вполне авторитарной логики укрепления собственной власти в КР становится либерализация и социальная мобилизация. Все политические акторы, включая президента, заинтересованы в получении общественной поддержки ради ослабления позиций противников и утверждения своего преимущества в рамках закреплённого межэлитного сотрудничества. Формируется консенсус относительно необходимости реального воплощения в жизнь свободы собраний и свободы слова, справедливых выборов; участники политической борьбы, безусловно, надеются воспользоваться гражданскими свободами ради своей собственной выгоды, хотя по факту создают ограничения для своих политических действий в долгосрочной перспективе.

Возможно, росту плюрализма косвенно способствует и бедность Кыргызстана: население КР просто недостаточно зависит от правительства, чтобы руководство государства могло успешно ограничивать его права. В 2017 г. мигранты по оценкам перечислили в КР сумму, достигающую 37,1 % ВВП КР [Каримов, 2017]. По данным ООН за 2016 г., 70 % кыргызстанцев заняты в неформальном секторе экономики [Пига, Новович, Могилевский, 2016, с. 73]. Таким образом, население КР обладает устойчивыми зарубежными источниками доходов, а трудовая деятельность 70 % занятых практически никак не подвержена государственному регулированию. Не существуют и мощные государственные предприятия, которые можно было бы назвать опорой национальной экономики. Бедность не следует считать отдельным и независимым фактором: в соседнем Таджикистане она не привела к установлению демократии (страна является закрытой анократией по методологии «Полити» [Polity IV Regime Trends: Tajikistan, 1991–2013]). В то же время в сочетании с другими катализаторами бедность может вести к укреплению демократии; схожая взаимосвязь прослеживается многими экспертами в Молдавии [Попеску, 2011] и Армении [Силаев, 2012].

Необходимо понимать, что особый путь демократизации КР ведёт к возникновению проблем, которые далеко не всегда свойственны другим новым демократиям. В частности, речь идёт о том, что партийный плюрализм не сопровождается плюрализмом идеологическим, что частично вызвано уже упомянутой низкой институционализацией партийной системы. Политические партии КР формируют крайне широкие идеологические платформы, имеющие зачастую явно популистский характер: существенный персонализм политической системы вместе с региональной направленностью позволяют привлекать избирателей вне зависимости от их идеологических предпочтений. Конкретизация партийной программы в таких условиях может наоборот привести к ухудшению электоральных результатов. Из трёх крупнейших парламентских партий только у Социал-демократической партии Кыргызстана на официальном сайте чётко указана её идеологическая принадлежность [Надежная опора. Политическая платформа Социал-демократической партии Кыргызстана, 2018]. В то же время иные политические объединения предпочитают формулировать в программах лишь популярные политические и экономические цели или вовсе не публикуют положения своих политических платформ. Эта проблема сопровождается, как уже было отмечено выше, авторитарной внутренней организацией партий, которая снижает общий уровень плюрализма и не всегда способствует принятию верных политических решений.

Однако ключевой проблемой и одновременно угрозой кыргызстанской демократии является отношение общества к установившемуся политическому режиму. Если для транзитологов демократия по умолчанию эффективнее и прогрессивнее авторитаризма, то население далеко не всегда придерживается аналогичных взглядов. В КР, где демократизация лишь частично опиралась на гражданское общество, это особенно заметно. По данным Всемирного обзора ценностей, в 2011 г. 41,5 % кыргызстанцев «очень хорошо» оценили перспективу правления сильного лидера, которому не придётся проводить выборы и зависеть от парламента [World Values Survey Database]. Такая высокая оценка авторитарных порядков частично объясняется тем, что опрос проводился вскоре после революции и столкновений 2010 г., однако она отражает и общую усталость кыргызстанского общества от политической нестабильности. В спокойный период президентства А.Ш. Атамбаева (2011–2017 гг.) признаки нестабильности не исчезли: в 2016 г. в КР распалась правящая коалиция [РИА Новости, 2016], в том же году были внесены существенные правки в конституцию страны [Закон Кыргызской Республики от 28 декабря 2016 года № 218 «О внесении изменений в Конституцию Кыргызской Республики»]. Всё это ведёт к повышению общественного недовольства демократическим устройством, которое может выражаться антидемократическими и антиконституционными силами.

Таким образом, территориальная фрагментация КР действительно сделала возможным демократический транзит в стране, несмотря на недостаточный уровень развития экономики и гражданского общества. Опыт соседних государств региона и территориальная

фрагментация Кыргызстана вынуждают даже авторитарно настроенных политиков идти на взаимодействие с другими группами интересов, а экономическая независимость населения от правительства делает практически невозможным установление жёсткого контроля над всем обществом. В то же время данный путь демократизации характеризуется значительными несовершенствами: политические партии всё ещё не стали институциональной основой политической борьбы и не сформировали чёткие идеологические платформы, сохраняется высокий уровень коррупции, а общество страдает от проблемы политической нестабильности, разрешение которой многие видят в возвращении к авторитаризму.

Модель демократического транзита, реализованная в КР, не может быть названа универсальной. В то же время она вновь доказывает, что не следует выделять конкретные предпосылки демократизации и применять их ко всем переходным режимам. Территориальная фрагментация может как способствовать, так и препятствовать демократическому транзиту, и в данном контексте важную роль играет рациональный выбор, сделанный политическими акторами, отличающий КР от Таджикистана и Афганистана. При этом фактор территориальной фрагментации точно не делает демократизацию невозможной: изменяются лишь способы транзита и характеристики итоговой политической системы.

Ключевой целью КР на нынешнем этапе должно быть закрепление достигнутых успехов и предотвращение отката к авторитаризму. Д. Растоу назвал данный процесс «фазой привыкания» [Rustow, 1970], в течение которой политические акторы и граждане начинают воспринимать демократическое устройство в качестве естественного и неизбежного. После установления политического плюрализма всё более важную роль начинают играть действия, направленные на борьбу со свойственными кыргызстанской модели несовершенствами. Руководство Кыргызстана действительно предприняло ряд шагов, направленных на укрепление политических институтов КР (в том числе партийной системы). Поправки в статью 70 конституции КР в 2016 г. ужесточили выход партий из коалиции большинства [Закон Кыргызской Республики от 28 декабря 2016 года № 218 «О внесении изменений в Конституцию Кыргызской Республики»], что сократит масштабы политической нестабильности в стране. Изменения в статье 72 позволяют премьер-министру Кыргызстана оставаться членом парламента [Закон Кыргызской Республики от 28 декабря 2016 года № 218 «О внесении изменений в Конституцию Кыргызской Республики»]; несмотря на формальное нарушение принципа разделения властей, данное решение позволяет укрепить роль партий и снизить персонализм системы. Акцент на укрепление институциональной базы политической системы, а не на дальнейшее расширение плюрализма представляется правильным направлением реформ на фоне существующих слабостей территориально фрагментированного государства.

Список литературы References

1. В парламенте Киргизии создана коалиция большинства. РИА Новости. 2016. 3 ноября. URL: <https://ria.ru/world/20161103/1480617507.html> (дата обращения: 28.07.2018).
V parlamente Kirgizii sozdana koalitsiya bol'shinstva. RIA Novosti. 2016. 3 noyabrya. URL: <https://ria.ru/world/20161103/1480617507.html> (data obrashcheniya: 28.07.2018). (in Russian)
2. Доклад о человеческом развитии 2015. United Nations Development Programme. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr15_standalone_overview_ru.pdf (дата обращения: 06.07.2018).
Doklad o chelovecheskom razvitiy 2015. United Nations Development Programme. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr15_standalone_overview_ru.pdf (data obrashcheniya: 06.07.2018). (in Russian)
3. Закон Кыргызской Республики от 28 декабря 2016 года № 218 «О внесении изменений в Конституцию Кыргызской Республики». 2016.
Zakon Kyrgyzskoy Respubliki ot 28 dekabrya 2016 goda № 218 «O vnesenii izmeneniy v Konstittutsiyu Kyrgyzskoy Respubliki». 2016. (in Russian)

4. Кангельдиев А.Н. 2014. Формирование общезначеской идентичности кыргызов. Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 11: 41–45.

Kangel'diyev A.N. 2014. Formirovaniye obshcheetnicheskoy identichnosti kyrgyzov. Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta. 11: 41–45. (in Russian)

5. Каримов Д. 2017. Мигранты КР могут установить рекорд по денежным переводам из России. Российская газета. 1 ноября. 7413 (247). URL: <https://rg.ru/2017/11/01/migranty-kr-mogut-ustanovit-rekord-po-denezhnym-perevodam-iz-rossii.html> (дата обращения: 28.07.2018).

Karimov D. 2017. Migranty KR mogu ustanovit' rekord po denezhnym perevodam iz Rossii. Rossiyskaya gazeta. 1 noyabrya. 7413 (247). URL: <https://rg.ru/2017/11/01/migranty-kr-mogut-ustanovit-rekord-po-denezhnym-perevodam-iz-rossii.html> (data obrashcheniya: 28.07.2018). (in Russian)

6. Крылов А. 2006. Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. 6: 101–108.

Krylov A. 2006. Religiya v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Kyrgyzstana // TSentral'naya Aziya i Kavkaz. 6: 101–108. (in English)

7. Лукьянов Г. 2017. Кыргызстан: «остров демократии» перед вызовом эффективного управления. РСМД. 23 июня. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya> (дата обращения: 28.07.2018).

Luk'yanov G. 2017. Kyrgyzstan: «ostrov demokratii» pered vyzovom effektivnogo upravleniya. RSMD. 2017. 23 iyunya. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya> (data obrashcheniya: 28.07.2018). (in English)

8. Надежная опора. Политическая платформа Социал-демократической партии Кыргызстана. Социал-демократическая партия Кыргызстана. URL: <http://www.sdpk.kg/ru/partija/politplatforma> (дата обращения: 28.07.2018).

Nadezhnaya opora. Politicheskaya platforma Sotsial-demokraticheskoy partii Kyrgyzstana. Sotsial-demokraticheskaya partiya Kyrgyzstana. URL: <http://www.sdpk.kg/ru/partija/politplatforma> (data obrashcheniya: 28.07.2018). (in Russian)

9. Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года. Иссык-Кульская область. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/media/files/e48fb7de-82cb-4c21-bcda-bfb3ccb92f1a.pdf> (дата обращения: 28.07.2018).

Perepis' naseleniya i zhilishchnogo fonda Kyrgyzskoy Respubliki 2009 goda. Issyk-Kul'skaya oblast'. Natsional'nyu statisticheskiy komitet Kyrgyzskoy Respubliki. URL: <http://www.stat.kg/media/files/e48fb7de-82cb-4c21-bcda-bfb3ccb92f1a.pdf> (data obrashcheniya: 28.07.2018). (in Russian)

10. Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года. Ошская область. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/media/files/8ae697b8-c5ba-4688-8c54-cbc467fe8182.pdf> (дата обращения: 27.07.2018).

Perepis' naseleniya i zhilishchnogo fonda Kyrgyzskoy Respubliki 2009 goda. Oshskaya oblast'. Natsional'nyu statisticheskiy komitet Kyrgyzskoy Respubliki. URL: <http://www.stat.kg/media/files/8ae697b8-c5ba-4688-8c54-cbc467fe8182.pdf> (data obrashcheniya: 27.07.2018). (in Russian)

11. Пига Г., Новович Т., Могилевский Р. 2016. Общая Страновая Оценка для Кыргызской Республики. United Nations in the Kyrgyz Republic. URL: http://kg.one.un.org/content/dam/unct/kyrgyzstan/docs/Library/%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0%20%D0%9E%D0%9E%D0%9D_%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81.pdf (дата обращения: 27.07.2018).

Piga G., Novovich T., Mogilevskiy R. 2016. Obshchaya Stranovaya Otsenka dlya Kyrgyzskoy Respubliki // United Nations in the Kyrgyz Republic. URL: http://kg.one.un.org/content/dam/unct/kyrgyzstan/docs/Library/Kniga_OON_Russ.pdf (data obrashcheniya: 27.07.2018). (in Russian)

12. Попеску Н. 2011. Хрупкий плюрализм. PRO ET CONTRA. М., 3–4. URL: http://carnegieendowment.org/files/ProetContra_52_50-61.pdf (дата обращения: 27.07.2018).

Popesku N. 2011. KHrupkiy plyuralizm. PRO ET CONTRA. М., 3–4. URL: http://carnegieendowment.org/files/ProetContra_52_50-61.pdf (data obrashcheniya: 27.07.2018). (in Russian)

13. Силаев Н. 2012. Несчастливы по-своему. Постсоветские пути Азербайджана, Армении и Грузии. Россия в глобальной политике. 19 февраля. 1. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Neschastlivy-po-svoemu-15470> (дата обращения: 28.07.2018).
- Silayev N. 2012. Neschastlivy po-svoemu. Postsovetskiye puti Azerbaydzhana, Armenii i Gruzii. Rossiya v global'noy politike. 19 fevralya. 1. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Neschastlivy-po-svoemu-15470> (data obrashcheniya: 28.07.2018). (in Russian)
14. Список политических партий. Министерство юстиции Кыргызской Республики. – <http://minjust.gov.kg/ru/content/81> (дата обращения: 28.07.2018).
- Spisok politicheskikh partiy. Ministerstvo yustitsii Kyrgyzskoy Respubliki. – <http://minjust.gov.kg/ru/content/81> (data obrashcheniya: 28.07.2018). (in Russian)
15. Эсенбаев А.Э. 2015. Особенности родоплеменных отношений в Кыргызстане и их влияние на развитие института выборов: попытка осмысления. Вестник КРСУ. 2: 81–85.
- Esenbayev A.E. 2015. Osobennosti rodoplemennyykh otnosheniy v Kyrgyzstane i ikh vliyaniye na razvitiye instituta vyborov: popytka osmysleniya // Vestnik KRSU. 2: 81–85. (in Russian)
16. Almond G. Comparative Political Systems. Journal of Politics. Vol. 18 (1956): 391–409.
17. Bueno de Mesquita B., Smith A. 2011. The Dictator's Handbook. New York City, PublicAffairs, 352.
18. Corruption Perceptions Index 2017. Transparency International. URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017 (accessed 27 July 2018).
19. Country Reports. Transformation Index BTI. URL: <https://www.bti-project.org/en/country-reports/> (accessed 28 July 2018).
20. Doolotkeldieva A., Wolters A. 2017. Uncertainty Perpetuated? The Pitfalls of a Weakly Institutionalized Party System in Kyrgyzstan. Central Asian Affairs. Vol. 4. Iss. 1.: 26–50.
21. Huntington, Samuel P. 1968. Political Order in Changing Societies. Yale University Press, 263.
22. Lijphart A. 1977. Democracy in Plural Societies. A Comparative Exploration. New Haven, Yale University Press, 239.
23. Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2013. Center for Systemic Peace. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (accessed 28 July 2018).
24. Polity IV Regime Trends: Brazil, 1946–2013. Center for Systemic Peace. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/bra2.htm> (accessed 28 July 2018).
25. Polity IV Regime Trends: Tajikistan, 1991–2013. Center for Systemic Peace. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/taj2.htm> (accessed 26 July 2018).
26. Reilly B. Democracy, Ethnic Fragmentation, and Internal Conflict: Confused Theories, Faulty Data, and the “Crucial Case” of Papua New Guinea. International Security. Vol. 25 (2000–2001): 162–185.
27. Rustow D.A. 1970. Transitions to Democracy – Toward a Dynamic Model. Comparative Politics. Vol. 2. 3: 337–363.
28. Variable Graph // V–Dem. URL: <https://www.v-dem.net/en/analysis/VariableGraph/> (accessed 15 July 2018).
29. World Bank Country and Lending Groups. World Bank Data Help Desk. URL: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519-world-bank-country-and-lending-groups> (accessed 26 July 2018).
30. WVS Database. World Values Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (accessed 26 July 2018).